

ВКЛАД В.А. КАРПОВА В РАЗВИТИЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СИСТЕМ (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНА КОМПОЗИЦИИ)

В 1970–1980-е гг. системно-структурный подход, позднее уступивший место функциональному, а затем и лингвокогнитивному подходу, доминировал в отечественном языкознании. Его с успехом развивали в своих работах такие известные советские лингвисты, как Ю.Д. Апресян, А.К. Жолковский, В.В. Мартынов, Г.П. Мельников, И.А. Мельчук, В.М. Солнцев, Ю.С. Степанов, А.Е. Супрун, С.К. Шаумян и др. Отдали дань уважения данному подходу и многие другие языковеды того времени. Даже автор данного доклада сподобился в те годы опубликовать тезисы доклада на тему «Общенаучное методологическое понятие «система» и его логические корреляты в области языкознания» (см. «За передовую науку». — 1983. — 10 июня. — С. 6). Однако только единицы из тех, кто использовал системно-структурный подход в своих лингвистических исследованиях, рискнул пойти дальше — в сферу общей теории систем (ОТС). Хотя в то время построение собственного варианта ОТС служило своеобразным мерилом уровня развития конкретной области науки: свидетельства об этом можно найти даже в художественной литературе тех лет (см., например, повесть Д. Гранина «Однофамилец» (1975). В.А. Карпов был в числе тех немногих отечественных лингвистов, кто сделал свой вклад в развитие ОТС.

Известный российский системолог В.Н. Садовский утверждает, что «первый вариант общей теории был выдвинут Л. фон Берталанфи, однако у него было много предшественников (в частности, А.А. Богданов). Общая теория систем возникла у Берталанфи в русле защищаемого им «организмического» мировоззрения как обобщение разработанной им в 1930-х гг. «теории открытых систем», в рамках которой живые организмы рассматривались как системы, постоянно обменивающиеся со средой веществом и энергией... В 1950–1970 гг. предложен ряд других подходов к построению общей теории систем (М. Месарович, Л. Заде, Р. Акофф, Дж. Клир, А.И. Уемов, Ю.А. Урманцев, Р. Калман, Е. Ласло и др.)» [8, с. 131].

Из работ В.А. Карпова нам известно, что в своих системологических исследованиях он придерживался ключевых положений того варианта ОТС, который был разработан российским биологом и философом Ю.А. Урманцевым (далее ОТСУ). Опробовав методологические положения ОТСУ на конкретном языковом материале В.А. Карпов пришел к следующему выводу: «Отмеченные выше положения о возможностях ОТСУ и их реализациях применительно к языку=системе на разных уровнях и в разных аспектах дают нам право предполагать, что данный вариант интерпретации языка как реализации ОТСУ играет роль общей теории языка и в качестве образца применим к любому естественному языку вне

зависимости от его отнесенности к какому-либо типу традиционных классификаций» [1, с. 287].

В материалах Карповских чтений неоднократно рассматривался вклад В.А. Карпова в развитие ОТСУ (см., например, доклад Т.И. Адамовича на шестых чтениях, доклад В.Н. Ростовцева на девярых чтениях и др. Отмечалось также новаторство В.А. Карпова в использовании ключевых концептов ОТСУ (см., например, доклад А.И. Головни на девярых чтениях). С целью дальнейшего изучения научного наследия В.А. Карпова мы попытаемся в данном докладе более детально проанализировать творческое развитие в его работах такого методологического положения ОТСУ, как закон композиции.

Впервые упоминание об этом законе мы находим в статье Ю.А. Урманцева «Поли- и изоморфизм в живой и неживой природе» [9]. При этом Ю.А. Урманцев открыто пишет о неизученности групповой природы двух-, трех- и n -мерных перестановок в отношении указанного закона: «Мы уже знаем, что изомерия — в известном смысле всеобщее свойство материи, выражающееся в различных случаях специфически через соответствующие перестановки. Причем последние могут быть на прямой, плоскости, пространстве. По крайней мере в случаях обычных одномерных перестановок последнее образует группу по отношению к выбранному закону композиции. Относительно групповой природы двух-, трех-..., n -мерных перестановок нам ничего неизвестно» [9, с. 84].

К сожалению, в своих последующих работах Ю.А. Урманцев не рассматривает конкретные композиции, характеризующие групповую природу двух-, трех-..., n -мерных перестановок в отношении закона композиции. Более того, если в монографии Ю.А. Урманцева «Эволюционика или общая теория развития систем природы, общества и мышления» (1988) еще есть высказывания о «множестве законов композиции развития» [10, с. 21], то в последней монографии данного автора «Общая теория систем в доступном изложении» (2014) закон композиции уже исключен из числа 17-ти основных законов ОТСУ [11, с. 393–396]. Не используется этот закон и в иных вариантах ОТС (см., например, работы Л. Берталанфи, А.И. Уимова, В.Н. Садовского, М.Л. Калужского, Ю.П. Сурмина и др.).

Совсем иное отношение к закону композиции демонстрировал в своих работах В.А. Карпов. Во-первых, он дал четкое и однозначное определение термину *композиция*: «Композиция — структура, предполагающая использование отношений единства «первичных» элементов и закон композиции» [1, с. 298]. Во-вторых, В.А. Карпов разработал алгоритм реализации закона композиции, введя в системологию новое понятие — «область разрешения закона композиции». Он дал следующее определение данному понятию: «Под областью разрешения закона [композиции. — В.Щ.] в количественном плане мы будем понимать все множество теоретически возможных композиций, которое можно получить по определенному отношению единства в рамках определенного закона композиции» [1, с. 188].

Наконец, на материале конкретной композиции *современная наука* В.А. Карпов выделил четыре этапа (области) разрешения закона композиции: 1) идентификационный этап; 2) познавательный (контекстуальный) этап; 3) терминологический этап; 4) онтологический (референциальный) этап.

Вот как, в частности, описывал эти этапы (области) разрешения закона композиции сам автор: «Так, если композиция *современная наука* имеет отношение единства R^6 (разные классы, разные корни, совпадающие позиции) и закон композиции в виде «прил. в им. пад.+сущ. в им. пад. (при совпадении рода и числа)», то область разрешения закона будет охватывать произведение всех отмеченных в универсуме прилагательных и существительных. А по упомянутым данным ОСРЯ [Обратного словаря русского языка. — В.Ш.], корпус первых составляет около 25 тыс. и вторых — около 57 тыс. При таких параметрах мы будем иметь до полутора миллиардов композиций, удовлетворяющих данным R и Z . Допустив предельную глубину анализа этих композиций, мы тем самым можем говорить о глубине познания действительного мира через данный закон композиции [1, с. 188–189].

Пусть нас не смущает огромное число возможных комбинаций элементов в рамках композиции *современная наука*. Еще А.С. Пушкин писал о том, что «язык неистощим в соединении слов». Если последовательно заменять в данной композиции прилагательное *современная* и существительное *наука* на реально засвидетельствованные в научных текстах их понятийные аналоги (наука, в частности, может быть, с одной стороны, не только *современной*, но одновременно и *абстрактной*, *академической*, *базовой*, *белорусской*, *большой*, *военной*, *вузовской*, *вычислительной*, *глобальной*, *государственной*, *гражданской*, *гуманитарной*, *дисциплинарной*, *европейской*, *естественной*, *заводской*, *зарубежной* и еще очень много какой, а с другой стороны, прилагательное *современная* может характеризовать не только науку в целом, но и ее многочисленные составляющие — *астрономию*, *биологию*, *историю*, *лингвистику*, *математику*, *физику* и многие тысячи других научных дисциплин), то общее количество их сочетаний может быть действительно очень большим (многие миллионы единиц). Выявив в научных, научно-популярных и иных текстах всю совокупность таких сочетаний, мы «фиксируем первый этап познания — идентификационный — в том случае, если не знаем значения целой композиции» [1, с. 189].

«Второй этап — собственно познания — будет заключаться, по мнению В.А. Карпова, в том, что мы предположительно определим смысл композиции при необходимом окружении (допустим, в стихотворном контексте)» [1, с. 189]. И как показывают современные науковедческие исследования, область разрешения закона композиции в отношении композиции *современная наука* на данном этапе исчисляется уже не миллионами, а всего лишь десятками тысяч единиц. Так, наукометрический анализ текущей совокупности современных научных контекстов показал, что «наиболее цитируемые публикации объединяются на основе коцитирования

в 84 тыс. научных кластеров (competencies), отражающих активные исследовательские фронты в различных областях знания, каждый из которых развивается группой ученых, образующих виртуальный научный коллектив» [3, с. 75]. Близкое число различных отраслей современной науки называется также в книге С. и А. Переслегиных: «до 72 тысяч научных дисциплин на 2004 г.» [5, с. 83].

Третий этап разрешения закона композиции В.А. Карпов описывает следующим образом: «Третий этап состоит в добавлении точного терминологического значения» [1, с. 189], причем общее количество научных областей (кластеров, дисциплин), к которым может быть отнесено то или иное терминологическое значение композиции, в настоящее время ограничивается несколькими сотнями специальных сфер — по числу языков для специальных целей (далее ЯСЦ): «В нашу эпоху, — пишет российский терминовед В.М. Лейчик, — количество этих сфер и — соответственно — ЯСЦ составляет, по разным подсчетам, от двухсот до трехсот единиц, причем многие из них пересекаются в своих объектах и связях» [4, с. 34].

Что же касается заключительного, онтологического или референциального, этапа разрешения закона композиции, то сутью его, по мнению В.А. Карпова, является «отрицание смысла у данной композиции, если сумеем найти аргументы, подтверждающие невозможность появления такой композиции» [1, с. 189]. На практике это означает, что в состав, к примеру, композиции *современная наука* мы чисто логически не можем включать такие ее ранее существовавшие разновидности, как 1) *притащенная наука*, о которой пишут, что, «пригласив в Россию иностранных мыслителей, Петр [Первый. — В.И.] тем самым силком притащил в Россию и науку. Потому она на долгие десятилетия стала никому не нужной, к тому же прожорливой» [7, с. 5]; 2) *репрессированная наука*, которая представляет собой целый период развития советской науки в условиях сталинской диктатуры и жесткого политико-идеологического террора, осуществлявшегося в отношении всех без исключения научных отраслей и направлений (см. [6]); 3) *теистическая наука*, под которой понимается совокупность теологических аргументов, используемых в рамках теории креационизма [12, с. 452], и т.п. разновидности науки (*фольк-наука*, *христианская наука*, *эзотерическая наука*, *эллинистическая наука* и др.). Использование подобного онтологического (референциального) фильтра при определении области разрешения закона композиции в отношении композиции *современная наука* весьма существенно сужает рамки данной области.

Таким образом, мы попытались показать, что предложенный В.А. Карповым алгоритм реализации закона композиции реально работает, создавая «пространство осмысления» той или иной конкретной композиции. Показателен тот факт, что указанный алгоритм В.А. Карпов с успехом использовал не только в своей монографии «Язык как система», но и в более поздних своих работах (см., например [2, с. 38], причем на материале совсем иных конкретных композиций).

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпов, В.А. Язык как система. — Минск, 1992.
2. Карпов, В.А. Системная модель научного исследования // Язык и социум: Материалы V Междунар. науч. конф. — В 2 ч. — Ч. 1. — Минск, 2003. — С. 32–38.
3. Куракова Н.Г., Цветкова Л.А., Арефьев П.Г. Новые инструменты анализа и прогнозирования исследовательских стратегий в глобальной науке // Научно-исследовательские исследования, 2012: Сб. науч. тр. — М., 2012. — С. 65–86.
4. Лейчик, В.М. Общая типология и многоаспектные классификации специальной лексики // Терминология и знание. Материалы I Междунар. симпозиума. — М., 2009. — С. 24–48.
5. Переслегин, С., Переслегина, А. «Дикие карты» будущего. Форс-мажор для человечества. — М., 2015.
6. Репрессированная наука / Ред. М.Г. Ярошевский. — Л., 1991.
7. Романовский, С.И. «Притащенная» наука. — СПб., 2004.
8. Садовский, В.Н. Общая теория систем // Новая философская энциклопедия: В 4 т. — Т. 3. — М., 2001. — С. 131.
9. Урманцев, Ю.А. Поли- и изоморфизм в живой и неживой природе // Вопросы философии. — 1968. — № 12. — С. 77–88.
10. Урманцев, Ю.А. Эволюционика или общая теория развития систем природы, общества и мышления. — Пущино, 1988.
11. Урманцев, Ю.А. Общая теория систем в доступном изложении. — М.; Ижевск, 2014.
12. Forrest, B., Gross, P.R. Creationism's Trojan horse: The wedge of intelligent design. — New York, 2007.